

АНДРЕЙ
ГЕЛИАНОВ

Реальность страшнее теорий заговора, или Как Милтон Фридман сломал наш мир навсегда

*Freedom for Capital, Not People: The Mont Pèlerin
Society and the Origins of the Neoliberal Monetary Order*

MATTHIAS SCHMELZER

London; New York: Verso, 2025. – 208 p.

Одна из самых больших ошибок – судить проводимую политику и политические программы по их намерениям, а не по их результатам.

Милтон Фридман в интервью Ричарду Хеффнеру¹

Фридман, убирайся домой! Слава народу Чили! Свобо-
ду! Остановите капитализм!

Протестующий на вручении Милтону Фридману
Нобелевской премии по экономике²

Шульц, Фридман, вся эта шайка...

Ричард Никсон, пленки из Овального кабинета

Андрей Гелианов
(р. 1987) – писатель,
исследователь культуры.

Парадокс истории состоит в том, что по мере накопления информации, «выводов» и «уроков» общая осведомленность человечества не повышается, а, наоборот, *падает* из-за невозможности разобраться в огромном массиве данных. К тому же по мере снижения общего уровня образованности и усложнения мира требуется все больше узкоспециализированных экспертов, чтобы разъяснять каждому следующему поколению важные и забытые вещи.

Маттиас Шмельцер – один из таких экспертов, которые осмеливаются публично поставить под вопрос явления, по прошествии многих десятилетий кажущиеся само собой разумеющейся частью реальности. Например: плавающий курс обмена валют, который появился во вполне конкретный момент в результате действий вполне конкретных лиц.

¹ «Richard Heffner's Open Mind». Эфир от 7 декабря 1975 года.

² Церемония проходила 14 октября 1976 года. Видео инцидента включено в документальный фильм «The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism» Майкла Уинтерботтома.

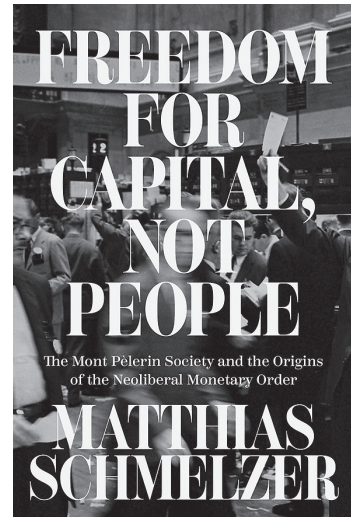
Милтон Фридман (1912–2006) – главный герой этой книги, «самый влиятельный экономист второй половины двадцатого столетия, если не века в целом», по мнению журнала «The Economist», Нобелевский лауреат 1976 года, участник общества «Мон Пелерин» (MPS) – прожил очень долгую жизнь, получал награды из рук американских президентов от Ричарда Никсона до Джорджа Буша-младшего. Фридман был активен до самой кончины в возрасте 96 лет (на следующий день после смерти вышла его последняя колонка в «The Wall Street Journal»), не дожив всего полтора года до мирового экономического кризиса – непосредственного итога его трудов, как считает Шмельцер.

На пике своего могущества в качестве экономического советника Ричарда Никсона Фридман непосредственно отвечал за принятие президентом решения закрыть «золотое окно»³ 15 августа 1971 года, что положило конец действовавшей с 1944 года Бреттон-Вудской системы фиксированных валютных курсов и отправило доллар, а вслед за ним и остальные мировые валюты в свободное плавание, – где они более полувека с тех пор и дрейфуют.

Как и в случае со всеми историческими фигурами такого масштаба, оценки деятельности Фридмана полярны – от безоговорочного обожания до резкой критики. Например, Наоми Кляйн в своей «Доктрине шока» обвиняет Фридмана не только в сотрудничестве с чилийской диктатурой⁴, но и, косвенно, в шоковых реформах⁵ команды Ельцина–Гайдара в России 1990-х. Книга Шмельцера продолжает критическую линию: автор вскрывает пласт «невидимого двадцатилетия» деятельности Фридмана перед событиями 1971 года, указывая на то, что переход к плавающему курсу был не исторической случайностью и спонтанной реакцией на кризис, а результатом долгого, упорного и обстоятельного планирования, координации действий сотен людей, десятков формальных и неформальных институтов, в чем ключевую и решающую роль сыграл именно Фридман.

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

РЕАЛЬНОСТЬ СТРАШНЕЕ
ТЕОРИИ ЗАГОВОРА...

- 3 То есть отменить конвертируемость доллара США в золото для иностранных центральных банков. Среди череды событий, приведших к этому решению, было и демонстративное требование французского президента Шарля де Голля обменять на золото 150 миллионов долларов США наличными 7 января 1965 года.
- 4 После свержения в 1973 году социалистического режима Сальвадора Альенде, Фридман в 1975-м посетил Чили, где встречался с Пиночетом и давал ему экономические советы по обустройству страны. В 1980-е Фридман публично восхвалял экономическую политику Пиночета (выстроенную под руководством его студентов, ставших известными как «чикагские мальчишки») и называл ее «чилийским чудом».
- 5 «Хотя [эти молодые экономисты] никогда не учились в США, они были настолько преданными фанатами Милтона Фридмана, что в российской прессе [их] прозвали «чикагскими мальчишками». [...] «Независимая газета» отмечала, что «впервые в России в правительство вошла команда либералов, считающих себя последователями Фридриха фон Хайека и чикагской школы Милтона Фридмана»» (Кляйн Н. *Доктрина шока: расцвет капитализма катастроф*. М.: Добрая книга, 2009. С. 290–291).

Прежде, чем говорить о самой книге, необходимо отметить три обстоятельства, которые лучше подготовят читателя к ее восприятию.

Первое. Книга была написана по-немецки в 2010 году по следам глобального финансового кризиса 2008-го, обрушившего мировую экономику в худшее состояние со времен Великой депрессии, отправившего мировой ВВП впервые со времен Второй мировой в отрицательную динамику и вызвавшего в США и Европе не менее 10 тысяч самоубийств на почве отчаяния⁶.

Начиная с 1970-х в развитых странах формировалась перекошенная структура экономики, в которой объем финансовых требований значительно превышал масштабы реального сектора, а механизмы перераспределения и присвоения капитала все больше отрывались от реальных потребительных стоимостей. Гипертрофированное влияние сектора FIRE (финансы, страхование и недвижимость), рост цен на жилье и произведения искусства, превратившиеся в финансовые активы, напрямую связана с главной идеей книги Шмельцера: современный капитализм все больше живет не производством, а торговлей иллюзиями стоимости (р. xiv). Эта несбалансированная динамика привела к чрезмерному наращиванию долговых обязательств, ставшему причиной кризиса 2008 года.

Пораженный происходящим, Шмельцер, тогда еще 26-летний студент, решил «попытаться понять некоторые из более глубоких исторических причин кризиса 2008 года, сосредоточившись на социально-формирующем эффекте денег и роли организованных неолибералов в преобразовании финансового порядка» (р. vii–viii). Результатом стало исследование, которое видит первую «костяшку домино» кризиса в совершенно неожиданном месте и времени. Согласно Шмельцеру, все началось 10 апреля 1947 года в местечке Мон Пелерин на берегу Женевского озера, где собрались 39 ведущих экономических умов планеты⁷, включая 35-летнего Милтона Фридмана.

Впоследствии Фридман станет (не будучи формально президентом MPS вплоть до 1970 года) самым влиятельным участником общества и консолидирует членов MPS под флагом собственной мечты: установить плавающий валютный курс. Этот план он вынашивает 23 года. На момент его возникновения (1948), как неоднократно подчеркивает Шмельцер, Фридман

6 REEVES A., MCKEE M. *Economic Suicides in the Great Recession in Europe and North America* // The British Journal of Psychiatry. 2014. Vol. 205. № 3. P. 246–247.

7 Фридрих фон Хайек, Людвиг фон Мизес, Карл Поппер, Уолтер Липпман, Джордж Стиглер и многие другие. Интересно, что в какой-то момент Хайек и Поппер всерьез рассматривали возможность пригласить на дебютную конференцию MPS Джорджа Оруэлла.

«практически одинок в своих взглядах» (вплоть до 1960-х плавающий курс воспринимается, в том числе на уровне правил, как что-то почти *криминальное*), однако в 1971-м переход к плавающему курсу практически единогласно поддержан всем академическим и финансовым сообществом.

Вся книга Шмельцера посвящена скрупулезному (местами даже, пожалуй, избыточному) доказыванию, что такая колоссальная смена парадигмы объясняется не исторической случайностью, не духом времени, не объективными вызовами – а планомерной, неуклонной и длительной работой лично Фридмана и участников MPS в целом.

Второе. Эта книга – именно про Милтона Фридмана. В ней упоминаются около сотни других персонажей, которые сыграли свою роль в трансформации мирового финансового порядка, однако автор ни на секунду не дает усомниться: именно Фридман – тот тайный паук, сидящий в центре немислимых размеров паутины и постоянно дергающий за одну или другую ниточку. Этот известный экономист у него учился, а вот с этим они переписывались, а этого Фридман звал в гости на свою гавайскую дачу, чтобы обсудить с ним что-то – и тому подобное.

Шмельцер совершенно заморожен фигурой Фридмана, который на протяжении десятилетий терпеливо, гиперактивно (количество публикаций и конференций MPS, к организации которых Фридман имеет отношение, не поддается подсчету) – и при этом не слишком заметно для прессы и исследователей – гнет свою линию. Автор каталогизировал все конференции MPS, подсчитал долю его членов среди участников внешних мероприятий, оценил влияние их публикаций: полученные результаты показывают, что фридмановцы действительно задавили противников числом и усердием.

При этом биографический Фридман Шмельцера совершенно не интересует, в личностном плане архитектор мирового экономического порядка остается для нас «черным ящиком». Автор ни разу не задается вопросом о мотивации Фридмана, зачем ему, собственно, весь этот план и усилия длиною в жизнь, неужели просто ради личного обогащения или самозабвенного служения богу Капитала? Похоже, что Шмельцер действительно раскопал что-то очень важное, и хотя вначале он шутливо отмахивается от предположения, что его книга «похожа на теорию заговора» (с. 7), сама фактура материала, кажется, неуклонно стремится в эту сторону (цитаты последуют далее).

Третье. Эта книга не про экономику, хотя голова и может пойти кругом от количества экономических терминов, нюансов и сотен ссылок на специализированные публикации. Она про людей, про идеи и про то, как *люди с идеями* – вроде Фридма-

на – меняют реальность. Шмельцеру интересно, какие тактики они используют, какими словами аргументируют, какие рычаги влияния применяют. Речь в книге идет, в конечном счете, про *социальную динамику* одной очень интересной группы людей (американские и европейские экономисты, родившиеся в первые два десятилетия XX века), которая заставила всех остальных поверить в то, что их идеи есть объективная экономическая реальность:

«Как однажды отметил [английский писатель-социалист] Роберт Лисон, в процессе разработки и популяризации теории плавающих валютных курсов в 1960-е “академические экономисты вели себя так, словно они были членами скоординированной коалиции, продвигающей идею гибких курсов”.

Анализ деятельности MPS показывает, что ключевые экономисты, участвовавшие в распространении этой идеи, *действительно* входили в транснациональную неолиберальную сеть и регулярно обменивались теориями и стратегиями. Они тесно сотрудничали между собой, последовательно работая сначала над популяризацией, а затем и над практической реализацией процессов либерализации и “флексбилизации” валютных систем» (р. 160, курсив мой).

Тема выбрана автором очень сложная и опасная – по двум причинам. Первая: в экономике (особенно в ее современном состоянии), как правило, не разбирается никто, кроме самих экономистов. Вторая, непосредственно следующая из первой: рассказ о событиях из этой сферы, особенно таких комплексных, глобальных, с трудом поддающихся осмыслению, как переход к плавающему курсу (или те же часто поминаемые в книге Великая депрессия и кризис 2008 года), становится *нарративом*. То есть такой рассказ приобретает черты художественной истории, в которой неизбежно есть эмоциональная заряженность, деление на *хороших* и *плохих* парней – а предисловие автора, как и его ремарки по ходу всей книги, недвусмысленны: MPS и есть те плохие парни, которые довели нас до того, что мы видим теперь вокруг.

Нарративизация темы, несмотря на все приведенные источники, может вызвать у читателя сомнения в корректности восприятия Шмельцером истории деяний Фридмана и компании. Выходит из этой ловушки автор, кажется, бессознательно, но блистательно: ряд эпизодов книги живописует нам ровно такую же *нарративизацию* (где роль плохих парней выполняют «ретрограды» – сторонники фиксированного курса и широких социальных гарантий от государства) для продвижения своих идей использует уже сам Фридман, вплоть до тщательного выбора вокабуляра и подбора контрастных образов:

«Фридман... рисовал “идиллическую картину благополучного мира, в котором *естественное* функционирование валютных рынков *автоматически* корректирует международный дисбаланс, [вследствие чего] исчезает необходимость в [государственном] контроле”.

Более того – и это, безусловно, было самым важным – Фридман и другие “создали впечатление, что [процесс перехода] на самом деле произойдет довольно гладко и безболезненно,.. что плавающие обменные курсы могут творить чудеса без больших колебаний”. Широкое использование термина “свободные” обменные курсы, в отличие от “фиксированных”, или, как выражался Фридман, “*смирительной рубашки фиксированных обменных курсов*”, без сомнения, еще больше привлекало неолибералов из MPS» (р. 91, курсив мой).

Аналогичной тактикой для убеждения пользовался и Фриц Махлуп, родившийся в Австрии американский экономист, который был ближайшим соратником Фридмана и одной из важнейших фигур в MPS (при том, что он формально даже ни разу не был его президентом). Махлуп противопоставлял сложность политических решений в рамках парадигмы фиксированного обменного курса (он утверждал, что она включает одиннадцать параметров, которым обязаны следовать политики) обещающей простоте плавающего курса (р. 120). Или вот в его же исполнении буквальное *there is no alternative*, которое через 20 лет станет слоганом Маргарет Тэтчер – лучшей ученицы Милтона Фридмана⁸ (тот приезжал в Англию каждый год в 1970-х по приглашению Ральфа Харриса, главы неолиберального Institute of Economic Affairs, для консультации):

«Я не вижу здесь выбора... Если мы, как либералы, должны принять плавающий обменный курс – значит, мы должны принять плавающий обменный курс. Если мы, как либералы, отвергаем контроль над капиталом и торговлей, а большинство людей и их правительства отвергают ограничение эффективного спроса (то есть уравнивательный механизм золотого стандарта), я вижу лишь одну возможность: гибкие валютные курсы”.

В последующих дискуссиях этот на первый взгляд безупречно логичный аргумент – вместе с постулатом о том, что альтернативы существующей системе нет, а потому гибкие курсы являются единственно возможным решением – повторялся снова и снова» (р. 77).

Время перейти к самой книге.

8 Впрочем, к концу 1980-х их отношения охладели, и Фридман написал Тэтчер открытое письмо, в котором критиковал ее экономические решения: *An Open Letter from Milton Friedman to Margaret Thatcher* (<https://miltonfriedman.hoover.org/internal/media/dispatcher/214966/full>).

* * *

Саммари исторических событий, тайную изнанку которых демонстрирует Шмельцер, превосходно изложена (причем несколько раз, включая обстоятельный *rescap* в финале) самим автором, поэтому, вместо пересказа, приведем цитаты:

«В 1950–1960-х, как отмечает [австралийский историк экономики Энтони] Эндрес, в [американской] экономике существовали два “эпистемических комьюнити”: составляющие большинство кейнсианцы, доминировавшие на тот момент в дисциплине, и неолибералы, практически все состоявшие в MPS.

Внутри самой MPS, в свою очередь, были два конкурирующих эпистемических комьюнити: сторонники золотого стандарта и сторонники плавающих валютных курсов. Последние исходили из общих посылок и разделяли схожий анализ современных проблем – например, что заработные платы и цены не обладают гибкостью в сторону понижения, а автономная денежная политика является ключевой целью национальных правительств. Они утверждали, что фиксированные обменные курсы и попытки их поддерживать противоречат социально-политическим реалиям и, следовательно, причинно связаны с введением контроля над движением капитала.

Подобные аргументы – с их указанием на “нереалистичные допущения” и “неизбежность контроля” – использовали мощные нарративы, которые могли объяснить взаимосвязь между экономическими проблемами, политическими действиями и желаемыми целями. Согласно политической стратегии, вытекавшей из этого причинно-следственного толкования, только гибкие валютные курсы могли обеспечить либерализацию международных финансовых рынков в условиях текущих социальных реалий» (р. 95).

Шмельцер неоднократно подчеркивает поразительное упорство и организованность системного и несистемного давления на сложившийся политэкономический *status quo* со стороны MPS. Неолиберальные экономисты шли к своей цели уверенно через годы и трудности:

«Члены MPS не только сыграли ключевую роль в организации важнейших конференций по вопросам монетарной политики 1960-х, но и буквально доминировали на них – как по составу участников, так и по идейной направленности. Так, из 32 участников конференции в Белладжио⁹ девять человек (28%) состояли в MPS; на последующих встречах экономистов с политиками – пять из четырнадцати ведущих экономистов (36%); а на конференциях в Бюргенштоке – уже девять из семнадцати (53%). Хотя формального большинства

9 Как показывает Шмельцер, на проходившие с 1964-го по 1974 год в итальянском Белладжио экономические конференции выносились идеи, до этого обкатанные на закрытых конференциях MPS. Помимо тематики, Белладжио и MPS практически совпадали по составу организаторов и главных участников, однако информация об этом и вообще о любой связи между двумя конференциями в публичном поле отсутствует.

у них никогда не было, влияние членов MPS на содержание этих встреч было решающим: они выступали организаторами, спонсорами и ключевыми докладчиками.

Их сила заключалась в том, что они действовали как сплоченная группа, согласованно координируя позиции через эпистемическое сообщество MPS, объединенное общими нормативными принципами и причинно-следственными гипотезами. Для сравнения, участники с кейнсианскими взглядами не располагали столь четко оформленной структурой и не были организованы в единый блок через какой-либо устойчивый сетевой механизм» (р. 100).

Фридмана и компанию нисколько не останавливало, что до 1960-х мир был принципиально в оппозиции к идее плавающего курса – наоборот, это как будто еще больше их подзадоривало. Словосочетание *floating exchange* повторяется в книге более двухсот раз – на каждой странице, – и Шмельцер создает ощущение, что для участников MPS оно стало уже не строгим экономическим термином, но буквально мантрой и символом веры. Экономист Чарльз Киндлбергер, активно участвовавший во встречах MPS в 1960-х, заметил – кажется, лишь наполовину в шутку, – что некоторые экономисты поклонялись плавающим валютным курсам как божеству. Он даже иронически называл члена MPS Гарри Гордона Джонсона¹⁰ «архиепископом Кентерберийским», фактическим главой этого экономического религиозного культа (р. 51).

К середине 1960-х экспертное мнение (при непосредственном участии MPS) начало понемногу сдвигаться в сторону плавающих курсов, хотя официальные правительства развитых стран все еще находились в оппозиции к этой идее:

«Правительства ведущих индустриальных стран – за исключением Канады – единодушно отвергли идею плавающих валютных курсов вплоть до конца 1960-х. Даже требование экспертной комиссии, назначенной немецким правительством, о большей гибкости курса немецкой марки потерпело неудачу из-за политического сопротивления. Только с приходом к власти администрации Никсона интеллектуальная ситуация начала меняться» (р. 128).

Первой экономически развитой страной, которая перешла к плавающему курсу, стала Канада (1950). Результат, по мнению кейнсианского экономического большинства, был предсказуем: после некоторого успеха (в 1957-м валюта обошла по стоимости доллар США), с 1960 года канадский доллар начал неумолимо падать, и в 1962-м премьер-министр Канады Джон Дифенбейкер снова его зафиксировал (эта мера, впрочем, не

10 Джонсон, кроме этой цитаты, более в книге Шмельцера ни разу не упоминается, и его ведущая роль в MPS ничем не подтверждена. В сноске автор делает предположение, что имела место ошибка и под «архиепископом» подразумевался именно Фридман.

помогла ему в следующем году переизбраться на пост). По мнению Шмельцера, в канадском прецеденте Фридман *персонально* в ответе, поскольку не только пропагандировал его как удачный пример, но, вероятно, непосредственно его и *сотворил*:

«Во время первого кризиса Бреттон-Вудской системы Милтон Фридман сыграл заметную роль в решении Канады позволить своему доллару свободно плавать. В апреле 1948 года он встретился с Дональдом Гордоном, заместителем генерального управляющего Банка Канады, и посоветовал, что “правильной политикой для Канады будет отпустить доллар в свободное плавание”. Решение Канады нарушить правила Бреттон-Вудской системы и, по выражению одного чиновника МВФ, “пиратское стремление” предпочесть гибкий валютный курс и отказаться от валютных и торговых ограничений заняло важное место в последующих академических дебатах.

Опыт Канады в период с 1950-го по 1962 год стал эмпирической основой, на которой Фридман и некоторые его ученики из Чикагского университета строили свои аргументы в пользу плавающих валютных курсов» (р. 54).

Что касается США (которые с самого начала были основной целью участников MPS, разумно предполагавших, что, изменив крупнейшую экономику, они повлияют и на весь мир), обращает на себя внимание, что разворот в сторону свободного курса *с самого начала* планировался как кризисный:

«Фридман утверждал, что введение плавающих валютных курсов может происходить двумя путями: в условиях кризиса или непосредственно после смены правительства. То есть подобная мера может быть эффективной в ситуации серьезного валютного кризиса – но только тогда, когда (и здесь проявляется роль MPS) лица, принимающие решения, уже знакомы с соответствующей теорией, а ее аргументы получили академическое признание.

Сознательное внедрение неолиберальных экономических мер в условиях кризиса позднее подробно исследовала Наоми Кляйн – как в теоретическом, так и в историческом аспекте, особое внимание уделяя роли Фридмана как идеологического крестного отца “капитализма катастроф”.

Тем не менее, по словам самого Фридмана, плавающие курсы могли бы быть введены и “в первый месяц после того, как к власти приходит партия, ранее находившаяся в оппозиции”. Менее, чем через три года после этого заявления, он уже готовил меморандум для кандидата в президенты Ричарда Никсона» (р. 101).

* * *

В начале книги автор жалуется, что при попытке найти какое-либо внятное описание MPS или его влияния он натолкнулся на стену молчания, подозрительно напоминающую заговор.

Что касается текстов, написанных об MPS и членами MPS, указывает Шмельцер, то они либо не содержат никакой значимой информации о деятельности общества, либо эта деятельность связывается только с фигурами конкретных членов (как правило, Нобелевских лауреатов), исключая любой системный подход к анализу организации.

Есть ли вопросы к методам Шмельцера? Да, разумеется. Прежде всего это касается использования им слова *неолиберальный*, которое имеет вполне строгое политэкономическое значение. Автор же часто применяет его в конструкциях, которые носят недвусмысленно негативно-оценочный характер:

«С периода Великой депрессии и вплоть до 1960-х большинство экономистов и политиков считали, что свободные рынки международного капитала... представляют собой слишком дестабилизирующий фактор для устойчивого и хорошо функционирующего капитализма. Но *те неолибералы*, которые входили в общество Мон-Пелерин и были к нему близки, не соглашались с этим мнением. Бреттон-Вудская система фиксированных, но корректируемых валютных курсов и строгого контроля за движением капитала *была для них главным источником раздражения.*

В *глазах неолибералов* ограничения на движение капитала и валютные операции были одними из самых серьезных угроз не только для рыночной системы, но и для западной цивилизации как таковой. Пристально изучив дебаты и деятельность этой сети, я утверждаю, что *неолибералы сознательно стремились натравить капитал на демократию.* Они намеренно использовали финансовую дерегуляцию и потоки капитала как средство дисциплинировать, ограничить и, в конечном счете, *парализовать любые формы демократического принятия решений, противоречащие требованиям рынка и прибыли.*

Когда я писал "Freedom for Capital, Not People", то не мог себе и представить, что эта книга будет представлять интерес и спустя полтора десятилетия. Тем не менее вопросы, лежащие в ее центре, сегодня даже более актуальны – ввиду *зомбиподобного, "мутировавшего" возрождения неолиберальной гегемонии* после финансового кризиса» (р. viii, курсив мой).

Еще о неоднозначных моментах. Иногда, когда Шмельцеру не хватает данных (например о корнях разногласий внутри MPS по поводу золотого стандарта – из-за отсутствия соответствующих документов), он начинает их просто придумывать, используя довольно экзотические методы исследования, которые затем бойко встраивает в основную систему аргументов:

«Если история конфликта, рассмотренная как спор между школами мысли, покажется [читателю] недостаточной, то альтернативный подход может заключаться в анализе географического происхож-

дения, места жительства и национального или регионального мировоззрения участвовавших экономистов... Гораздо больше объясняет анализ, рассматривающий различия во мнениях как конфликт поколений – или, точнее, возрастных когорт. Так, золотой стандарт отстаивали прежде всего те, кто родился до рубежа XX века и, следовательно, пережил катастрофические события, связанные с плавающими валютами в начале 1920-х. Эта когорта получила образование в докейнсианскую эпоху.

Особенно примечательна группа экономистов, родившихся в первом десятилетии XX века: они поддерживали золотой стандарт вплоть до 1950-х или начала 1960-х, но впоследствии стали продвигать идею плавающих курсов. Наконец, экономисты, родившиеся после 1910 года, почти единодушно выступали в пользу плавающих валютных курсов. Для членов MPS было очевидно, что речь идет именно о конфликте поколений. Так, Майкл Хайльперин в 1965 году отмечал, что продолжает настаивать на “классических” механизмах выравнивания золотого стандарта – “какими бы старомодными они ни казались молодым экономистам”» (р. 46–47).

Наблюдение интересное – но оно не основано ни на чем, кроме догадок Шмельцера, и не может считаться серьезным доводом. Такие кунштюки, хотя они и встречаются (по крайней мере на неэкспертный в экономике взгляд) в книге довольно редко, несколько подрывают доверие к системе аргументов автора.

Шмельцер – возможно, довольно сильно обобщая – описывает «производство неолиберального знания» так, будто это какой-то завод (впрочем, возможно, дело тут еще и в не слишком удачном переводе с немецкого):

«Наиболее важные функции конференций MPS в формировании и распространении теории плавающих валютных курсов, а также в возникновении соответствующей международной неолиберальной сети влияния можно перечислить следующим образом:

1. Производство неолиберального знания.
2. Разработка и обсуждение стратегий неолиберальной “политики знания”.
3. Внутренние – иногда антагонистические – дискуссии.
4. Транснациональное распространение идей и установление сетей взаимодействия.
5. Расширение и укрепление возможностей влияния.
6. Социально-психологическая поддержка внутри сообщества единомышленников» (р. 48).

Стоит ли в таких зловещих тонах описывать достаточно обычный для любой серьезной организации *roadmap* (тем более ретроспективно придуманный автором книги)? Впрочем, монологи членов MPS иногда и, правда, как будто принадлежали профессору Мориарти:

«[Фридрих фон] Хайек не ограничивался историческими наблюдениями, но стремился обобщать их. Уже в своем исследовании 1937 года о золотом стандарте он подчеркивал, что абстрактные и принципиальные “академические дискуссии... со временем формируют общественное мнение и, как следствие, определяют, что станет практической политикой”. В 1949 году он выразил эту мысль еще более лаконично: “Опыт показывает, что... это лишь вопрос времени, когда взгляды, которых придерживаются интеллектуалы, станут руководящей силой политики. То, что современному наблюдателю представляется борьбой конфликтующих интересов, на деле зачастую было решено задолго до этого – в столкновении идей, ограниченном узкими кругами”» (р. 21, курсив мой).

При описании происходившего на экономических конференциях, где члены MPS убеждали банкиров и людей, принимающих решения, в необходимости плавающего курса, Шмельцер неоднократно подчеркивает беспринципность, чтобы не сказать, наглость и инвазивность, участников общества (в первую очередь Фридмана), которые использовали все, чтобы продать свою точку зрения.

* * *

Итоги глобальной реформы, оркестрованной Милтоном Фридманом, оказались, по мнению Шмельцера, ровно такими, как и предсказывали его критики:

«После либерализации валютных и финансовых рынков в 1970-е глобальная торговля на международном валютном рынке¹¹ выросла до масштабов, едва ли вообразимых на момент принятия тех политических решений. В 2010 году ежедневный оборот валютного рынка составлял свыше 3,2 триллиона долларов – более, чем в семьдесят раз больше, чем объем мировой торговли товарами и услугами. К 2022 году этот показатель достиг 75 триллиона долларов в день» (р. 159).

Из глобального кризиса 2008 года, во многом произошедшего по вине спекулянтов, никаких выводов сделано не было, а MPS продолжает сохранять свое влияние и отстаивать прежнюю линию:

«Конференция ООН по торговле и развитию (UNCTAD) в своем докладе за 2009 год, следуя позиции ряда известных экономистов, призвала к усилению международного контроля за движением капитала, чтобы снизить риск повторения кризисов. Однако члены Mont Pèlerin Society остались непреклонны: на всемирной конфе-

11 Сегодня он известен как *Forex*, сокращение от *foreign exchange*.

ренции общества, прошедшей в марте 2009 года в Нью-Йорке, Грег Линдсей вновь подчеркнул значение плавающих валютных курсов, назвав их «вероятно, самым важным рыночным реформаторским достижением последних 25 лет» (р. 6).

Даже сегодня, в 2025 году, в комментариях под любым онлайн-видео с Милтоном Фридманом (например к ролику со вручения Нобелевской премии, где активист пытается испортить лауреату праздничное настроение¹²) можно найти сотни доброжелательных, восхваляющих и сочувствующих высказываний в поддержку Фридмана – «человека, освободившего капитал».

Автор не предлагает никаких выводов, а его личное отношение можно воссоздать только из предисловия, отдельных ремарок, разбросанных по тексту, и из других его книг, с названиями вроде «The Future is Degrowth: A Guide to a World beyond Capitalism»¹³. И с точки зрения вечного вопроса «что делать?» работа Шмельцера только усиливает экономико-культурный пессимизм. Ведь из нее следует, что для того, чтобы построить существующую систему плавающих курсов, понадобился гений, сверхчеловек, который тайно и неустанно трудился на протяжении более двадцати лет, задействовал несколько сотен влиятельных знакомых, личный ресурс доступа к президенту США, чтобы успешно оседлать исторический момент, подойдя к нему с досконально разработанной теорией и убедительными доказательствами ее эффективности.

Чтобы даже не переломить ход истории, а хотя бы немного изменить существующее положение вещей, понадобится сопоставимый по масштабу анти-Фридман, только усилий ему придется приложить *еще больше* – из-за заведомо проигрышной исходной позиции, – и это, конечно, абсолютная фантастика.

Итак, будущего нет, будет все то же бесконечное настоящее, в совершенно буквальном экономическом смысле представляющее собой *непрерывную спекуляцию на обещании* – по крайней мере до следующего крупного финансового кризиса, после которого, может быть, Шмельцер напишет предисловие к третьему изданию этой книги и кто-нибудь обратит на нее внимание. Шанс, что это будет тот самый анти-Фридман, микроскопически, исчезающе мал – но история умеет удивлять, и поэтому, может быть, у нас все-таки есть надежда.

12 www.youtube.com/watch?v=QwQioAwm-FI.

13 SCHMELZER M., VANSINTJAN A., VETTER A. *The Future is Degrowth: A Guide to a World beyond Capitalism*. London; New York, 2022.